

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — заметил важно Швабрин — Иван Кузьмич может это засвидетельствовать.

«Да, слышь ты,» — сказал Иван Кузьмич: «баба-то не робкого десятка.»

— А Марья Ивановна? — спросил я; — так же ли смела, как и вы?

«Смела ли Маша?» — отвечала ее мать. «Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузьмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страха на тот свет не отправилась. С тех пор уж и не палим из проклятой пушки.»

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошел к Швабрину, с которым и провел целый вечер.

Г л а в а IV.

ПОЕДИНОК.

— Ин изволь и стань же в позитуру
Посмотришь, проколю как я твою фигуру
Княжнин.

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузьмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностию. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ива-